

УДК 94(47).072/.073:35

Т. Н. Кандаурова

**МНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛИТЕТА ПО
УКРЕПЛЕНИЮ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИИ:
ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА М. Ф. ВЕРИГИНА ОБ
ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ
В ОРЕНБУРСКОЙ ГУБЕРНИИ 1820-х гг.**

В 1810–1820-х гг. в России осуществлялось учреждение и формирование военных поселений, что способствовало росту интереса к этой организации со стороны российского генералитета и представителей гражданской службы. Сохранившиеся материалы в формате замечаний, записок, записок, писем позволяют определить отношение представителей отдельных профессиональных сообществ к данному военно-хозяйственному и военно-политическому институту. Многие российские генералы поддерживали идею организации военно-поселенной системы на границах страны, рассматривая ее как один из векторных факторов развития российских фронтиров и факторов, обеспечивавших там стабильность. Публикуемая записка генерал-майора М. Ф. Веригина представляет мнение об организации военного поселения на Оренбургской пограничной линии с обоснованием полезности для региона данного института.

Ключевые слова: фронтир, Оренбургская пограничная линия, Оренбургский край, военные поселения, Штаб отдельного Корпуса военных поселений, гражданский губернатор, башкиры, тептяри, мещераки, ногайцы, М. Б. Веригин.

Формирование и развитие военно-поселенной организации в России в 1810–1820-х гг. вызвали определенный интерес как со стороны российской общественности, так и со стороны представителей отечественной военной элиты. Сохранились отдельные материалы в формате замечаний, заметок, записок, писем, в которых нашли отражение мнения российского генералитета по вопросу организации военных поселений. Среди них – хранящаяся в РГВИА записка генерал-майора М. Ф. Веригина, обозначенная в архивном деле как «Письмо генерал-майора Веригина о его предложениях распространения военного поселения в Оренбургской губернии» [РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 140, л. 876–881]. Документ датирован 1822 г., на письме стоит авторская датировка – 8 января 1822 г. и дата получения документа от императора вторым отделением дежурства ведомства Штаба отдельного Корпуса военных поселений, позднее преобразованного в Департамент военных поселений, – 17 февраля 1822 г. Автор записки Михаил Федотович Веригин (1771–1848) служил в чине действительного статского советника в должности гражданского губернатора Оренбургской губернии в 1809–1811 гг., а в конце 1811 г. был переводом определен на службу в столицу в ведомство Министерства финансов [Семенова, 2018]. В 1812 г. он состоял в службе начальников таможенных округов Департамента внешней торговли Минфина в должности «имеющего местное управление таможнями, по азиатским границам расположенным» [Месяцослов, с. 485–486], а в 1815 г. уже вышел в отставку.

До гражданской губернаторской службы в Оренбургском крае Веригин состоял членом Инспекторской экспедиции Военной коллегии в чине военного советника (1797–1809), в 1799 г. был произведен в генерал-майоры. По опыту своих мест службы с 1809 по 1815 гг. он хорошо был знаком с далеким периферийным и пограничным Оренбургским регионом, имел достаточно полное представление о его состоянии не по рассказам и каким-то другим источникам, а на основе собственного опыта. «Гражданский губернатор занимался вопросами управления в пределах Оренбургской губернии. Он был “блюстителем неприкосновенных верховных прав самодержавия, пользы государства”, гарантировал точное исполнение законов, осуществлял общее руководство губернскими учреждениями и контроль над ними» [Семенова, 2016, с. 12].

Особенности региона были обусловлены его фронтирным положением и статусом, полиэтничностью, и как следствие, особой ментальностью коренного населения. Специфику данной пограничной территории отмечал в 1811 г. военный губернатор князь Г. С. Волконский в письме министру полиции А. Д. Балашову. Он подчеркивал, что «Оренбургская губерния населена большей частью иррегулярным

народом: казаками, башкирами, мешчеряками, тептярями, народ, хотя малообразованный, но с воинским духом, имеет более доверенности и уважения к воинскому начальству и состоянию, нежели к гражданскому. Но как по связям дел губернских входит и гражданский оренбургский губернатор в положение и состояние сих народов, то дабы дать более важности гражданскому губернатору, и чтобы успешнее можно было и ему назидать благоденствие сих людей, я полагаю иметь оренбургского гражданского губернатора из армейского генералитета» [цит. по: Семенова, 2016, с. 13]. По сообщению военного губернатора в компетенции гражданского управления региона были вопросы землеустройства, «спорные и уголовные вопросы коренного башкирского населения», именно поэтому гражданский губернатор вынужден входить «в положение и состояние сих народов» [Там же]. Занимаясь всеми этими вопросами, М. Б. Веригин хорошо понимал специфику края, особенности его социально-экономического и военно-политического положения, состояния ресурсной базы. Об этом он писал в письме-записке к императору в 1822 г., отмечая, что за годы своего губернаторства в Оренбургском регионе он «имел случай познать на самом опыте всю важность сего края в отношении выгодного его местного положения, так равно и в отношении заключающихся в нем разнородных источников богатства...» [РГВИА, ф. 405, оп. 1, д. 140, л. 877–877 об.].

Детальное знакомство генерала М. Б. Веригина с регионом и анализ перспектив его состояния позволили ему в письме к императору сформулировать некоторые предложения по развитию губернии, включая распространение на этой пограничной территории военных поселений. Михаил Богданович обосновывал свою идею несколькими причинами или, по его мнению, выгодами: благоприятные природно-климатические условия края для развития земледельческого хозяйства и скотоводства, а также наличие значительных фондов земельных ресурсов, уровень экономического развития, выгодные условия для развития промышленности, занятия и род деятельности местного населения и перспективы формирования военных подразделений за счет объединения военных поселений с Оренбургскими и Уральским казачьими войсками, и одновременно перспектива формирования дополнительного военного контингента для защиты «от набегов азиатских народов». Дополнительные аргументы для реализации идеи организации военных поселений «с значительными выгодами» в Оренбургском пограничье автор записки видел в наличии здесь более дешевого продовольствия «в сравнении против других губерний» и возможность региона обеспечивать себя продукцией земледелия в полном объеме. У коренного населения края, по представлению бывшего гражданского губернатора, также наблюдалась

«отличная склонность к воинской службе», что было обусловлено его образом жизни, традициями и фронтирным статусом региона. На фактор наличия у местного населения воинского духа ранее, в 1811 г., указывал и военный губернатор Г. С. Волконский. Еще в 1798 г. в Башкирии была сформирована кантонная система управления, распространявшаяся на башкир, мишарей, калмыков, оренбургских и уральских казаков [ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18477]. Было организовано 11 башкирских, пять мишарских, пять оренбургских, два уральских и калмыцкий кантоны [Рахимов, 2013, с. 108]. Способные к службе жители кантонов в возрасте от 20 до 50 лет выполняли обязанности по охране границы.

Образцом для реализации данного программного предложения, по мнению генерала Веригина, должны были послужить военно-поселенные образования, уже набравшие силу развития в других территориях страны. В населявших край башкирах и тептерях, которые были разделены на кантоны и несли повременную линейную службу, генерал видел «некоторое основание воинского народа» и, как он полагал, необходимо было только ввести здесь строгую дисциплину, поселить легкоконные войска среди местных народов и обеспечить соответствующую военную подготовку по образу и подобию организации военных поселян в других губерниях. Таким образом, он предлагал использовать иррегулярные силы Оренбургского края, включая мещеряков, ногайцев и детей отставных поселенных солдат, проживавших в Оренбургской, Симбирской и Казанской губерниях, для формирования военных поселений на фронтирной территории с целью обеспечения охраны границы и ее укрепления, а также обеспечения условий для более стабильного развития региона. При реализации предложений генерала Веригина и других представителей российского генералитета Оренбургское пограничье получило бы дополнительный ресурс и такую модель фронтирного развития в ее основных компонентах и структурах, которая была реализована на Украинском фронтире в XVIII в., [Подов, 2005; Кирпиченко, 2007; Белова, 2008; Кандаурова, 2019] а также позднее в 1830-х гг. на Кавказском фронтире [Ячменихин, 2006, с. 81–96 и др.].

Ситуация на Оренбургской пограничной линии оставалась в первой четверти XIX в. сложной и нестабильной, территория края периодически страдала от набегов азиатских соседей, что в свою очередь требовало усиления здесь военного компонента. Как отмечает исследователь Р. Н. Рахимов, «для российского фронта на Южном Урале и в Сибири можно отметить доминанту военной необходимости, военного фактора над всеми остальными. Именно ему были подчинены социальный, экономический, конфессиональный фактор» [Рахимов,

2013, с. 104]. Ссылаясь на опыт образования «из варварских народов» хороших воинов, автор письма-записки императору считал, что следует надеяться на раскрытие способностей башкир, тептерей, мещеряков и ногайцев. Бывший гражданский губернатор полагал вполне возможным использовать имевшийся в регионе воинский потенциал местных народов для укрепления Оренбургского пограничья, что позволяло обеспечивать стабильность состояния региона и возможности его дальнейшего освоения и хозяйственного развития. Внутренняя и внешняя стабильность региона, создаваемая за счет усиления его военного потенциала военными поселениями в дополнение к служилому населению из местных народов и казаков, способствовала бы также активизации его экономического развития за счет расширения торговли с соседними регионами. В тот период через Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии «осуществлялась интенсивная торговля с Востоком – Сибири с Китаем, Оренбурга с Туркестаном [Рахимов, 2013, с. 108]. Одновременно в будущих военных поселениях Оренбургского края Веригин видел определенный резерв на случай массовых военных нашествий и столкновений вроде французского вторжения 1812 г. Генерал, сформулировав в записке идею организации военных поселений в Оренбургском пограничье и обосновав возможность их формирования здесь с привлечением местного населения, владевшего определенным воинскими навыками и опытом, не стал «распространяться в изыскании средств к достижению цели», оставив решение этого вопроса опытным военным специалистам, занимавшимся решением данной проблемы.

Генерал-майор Веригин в то время не был одинок в своем мнении по вопросу укрепления Оренбургской границы путем организации там военно-поселенных структур. Его записка была написана почти за полтора года до появления еще одного обстоятельного документа, автор которого выражал подобную точку зрения и обосновывал идею создания военных поселений на Оренбургской пограничной линии с детализацией их обустройства здесь. Вторая записка была написана советником и кавалером, служащим при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел титулярным советником Михаилом Гусятниковым, 12 лет находившимся на службе в Оренбургском крае; она датирована июнем 1823 г. [Кандаурова, 2014]. Он также хорошо был знаком с состоянием далекого фронтального региона и представил в деталях процесс формирования здесь военно-поселенной системы, включая количественные характеристики и вопрос сокращения расходов на содержание пограничных структур. Адресатом записки М. Гусятникова был Главный над военными поселениями начальник генерал граф А. А. Аракчеев [РГВИА, ф. 154, оп. 1, д. 939, л. 1].

Наличие двух практически синхронизированных документов с конкретными предложениями по укреплению Оренбургского фронта посредством формирования здесь пограничных военных поселений, наряду с идеями других российских военных и гражданских служащих по усилению границ во фронтирных регионах подобным же путем и способом [Кандаурова, 1990; Кандаурова, Давыдов, 1992], свидетельствует о том, что не только правительство, но и представители военной элиты и служащие государственных учреждений включались в дискурсивный процесс по данной проблеме, формулируя собственное видение ее решения. Авторы указанных записок отличается хорошее знание Оренбургского пограничья, его условий и проблем развития, включая внешние вызовы, знание хозяйственного потенциала, воинских традиций населявших его народов. И это позволяло им, ориентируясь на исторический опыт развития российских фронтиров, представлять императору идею укрепления границ Оренбуржья за счет формирования здесь военно-поселенных структур. Идея перевода башкир Оренбуржья в разряд военных поселенцев содержалась также в докладной записке на имя императора 1826 г., автором которой Р. Н. Рахимов считает бывшего оренбургского гражданского губернатора Г. В. Нелидова [Рахимов, 2009, с. 187].

Данная идея не была оставлена и в период правления Николая I, о чем свидетельствует информация Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского в отчете по управлению краем в 1833–1842 гг., где он сообщал о составлении проекта Оренбургского военного поселения по высочайшей воле, т. е. императора [Гвоздиков, с. 38]. В 1837 г. были организованы Киевско-Подольское военное поселение в Западном крае и фронтирное военное поселение на Кавказе, и тогда же, вероятно, вернулись к идее укрепления Оренбургского фронта военно-поселенной системой. Записка генерала Веригина, так же как и записка титулярного советника М. Гусятникова, представляет интерес для исследователей истории региона, так как в ней имеется характеристика Оренбургского края по состоянию ресурсов – земельных, людских, природных, что позволяет конкретизировать картину его положения в первой четверти XIX в.

*Записка генерал-майора М. Ф. Веригина императору Александру I
с предложениями об организации военного поселения
в Оренбургской губернии*

8 января 1822 г.¹

Всемиловейший государь!

Предпринятое Вашим императорским величеством образование военных поселений, заключая в себе благонадежнейшее средство к вящему усилению могущества России, с тем вместе служит и утверждением той бессмертной славы, которою озарилась Империя в благополучное Ваше царствование.

Таковые колонизации, будучи утверждены на основании военного и хозяйственного устройства, представляют полную возможность снабжать поселенцев всеми потребностями к содержанию их нужными, и не только не могут обременять Государство излишними издержками, но, напротив того, споспешествуя умножению хлебопашества и скотоводства, служат при том, так сказать, военным рассадником к облегчению рекрутской повинности, следовательно, с приумножением средств народного обогащения усугубляют², обеспечивают военные силы государства.

Мысль сего важного предприятия ознаменована печатью той прозорливой опытности, которая, внушая Государям мудрую предусмотрительность, научает их предупреждать бедствия, коим могут неожиданным образом подвергнуться их царства от руки сильного врага, подобно тому, коего разительный пример коварных действий и ухищрений мы видели в событиях нашего времени, угрожавшего разрушением все[го] царства, но коего злобные покушения ниспровергнуты были силою оружия храбрых наших воинов при содействии непоколебимой твердости души и деятельности духа нашего Государя.

Успешное окончание начатого поселения, сего великого подвига для блага всех подвластных Вам народов, составит знаменитую эпоху в летописях мира, некогда приведет в изумление всю вселенную и смирит всех врагов пред престолом Вашим.

А подданные Вашего Величества, находясь под щитом крепости и правосудия, наслаждаясь в недрах семейств своих спокойствием; свет

¹ Помета на верхнем поле документа: «получен от государя 17.02.1822 г., высочайше повелено г[енерал].-м[айо]ру Веригину объявить высочайшее благоволение». Помета внизу страницы: «Писано генерал-майору Веригину 19 января № 175».

² Здесь слово употреблено в значении увеличивать, усиливать, делать большим по силе.

наук и художеств разольется по всей обширности империи, и народное богатство достигнет высочайшей степени.

Таковую-то будущность приготавливаете Вы, государь, пресловутой³ России!

Убеждаясь сею истиною и благоговя к священным и благим намерениям Вашего Императорского Величества, я осмеливаюсь всеподданнейше представить слабый опыт предположения о распространении такового же военного поселения для образования и приумножения нерегулярных войск, по пропорции числа состоящих ныне налицо регулярных наших войск.

Будучи близ трех лет Оренбургским гражданским губернатором, я имел случай познать на самом опыте всю важность сего края в отношении выгодного его местного положения, так равно и в отношении заключающихся в нем разнородных источников богатства и потребностей, могущих споспешествовать народонаселению, промышленности и другим полезным видам правительству, как-то: избыток плодородных земель и тучных пажитей для всякого рода скота; воздух благорастворенный и здоровую воду, обширные леса и сенокосы, изобилие в рыбе, скота и поваренной соли превосходного качества; целительные серные воды, железные и медные заводы; разные потребности для заведения кожевенных заводов и фабрик для выделки солдатских сукон, и наконец, самое свойство обитающих иноплеменных народов, приобвыкших к суровой жизни и чуждых всякой неге; все сие в совокупности представляет величайшую удобность к водворению в сем краю военных поселян с значительными выгодами относительно дешевизны всякого рода продовольствия в сравнении против других губерний.

Обширная сия страна содержит в себе более 28 млн десятин земли и находится в смежности с хлебороднейшими губерниями, но довольствуется с избытком собственно своим хлебом, хотя значительная часть башкирцев вовсе хлебопашеством не занимается. Сей край можно уподобить самостоятельному отдельному царству, не имеющему нужды ни в каких посторонних пособиях как в рассуждении жизненных припасов, так и других житейских потребностей, особенно для нижнего класса людей, кои могут снабжать себя даже фабричными изделиями, приходящими из Хивы, Бухарии, а скотом – из киргизских степей.

Приемля смелость обращать благодетельное внимание Вашего Императорского Величества на богатый сей край, я не могу скрыть, что, к сожалению, большая часть плодоноснейших земель, находясь

³ Здесь слово употреблено в значении знаменитой, известной; из старославянского языка.

во владении башкирцев, остается почти без всякого возделывания и что сей народ совершенно коснеет в грубом невежестве и праздности. Но в противуположность сего я должен по справедливости сказать, что в них замечается отличная склонность к воинской службе и предпочтительнее к казачьей, к которой, я смею утвердительно довести Вашему Величеству, что они с пользою приспособлены быть могут. Ибо образ кочевой их жизни, употребление грубой, но умеренной пищи; любимые их забавы, состоящие в конских ристаниях, звериной охоте, в пускании стрел, а при том рыцарские доспехи, служащие и поныне лучшими для них нарядами, как то: панцирь, шишак, меч, кольчуга и копье, все сие доказывает, что воинский дух храбрых татарских поколений не совсем в них погас и легко может принять полезное направление.

Извлечь сей народ из тьмы, в коей они <вынуждены> влачить свою жизнь; дать восчувствовать ему достоинство полезного гражданина, храброго ратника и чрез то возвеличить его душу, я осмеливаюсь мыслить, что сей подвиг достоин внимания великодушного восстановителя чуждых царств и зависит от единого мановения Вашего Императорского Величества.

Из числа иноплеменных народов, обитающих в сей губернии, башкирцы и тептери, будучи разделены на кантоны и отправляя в известное годовое время линейную службу, имеют уже в образовании своем некоторое основание воинского народа; нужно токмо подчинить их строгой дисциплине, поселить между ними легкоконных войск и, разделив на малые отряды, обучать их военным экзерцициям, подобно тому, как заведено между военными поселянами в других губерниях, уже существующими; присоединить к ним мещеряков и ногайцев, составляющих сами по себе некоторой ряд нерегулярного войска и детей отставных поселенных солдат, как в Оренбургской, также равно живущих в Симбирской и Казанской губерниях, коих числом состоит более 25 000 душ мужского пола, не платящих никакой подати.

Все сии классы людей в совокупности с Оренбургским и Уральским казачьим войском могут со временем составить отдельный корпус вновь образованных воинов на защиту России и во славу знаменитой эпохи царствования великого ее монарха.

Но дабы возбудить в сих народах равнование быть начеред с заслуженными воинами, стоит только коснуться грубого их честолюбия, представя им в приманчивом виде блистательные выгоды воинского поприща, соединенного с мирным наслаждением семейственной и сельской жизни. Стоит только, составя из них одно нераздельное политическое тело, подчинить оное военному управлению, без соучаствования гражданской власти, отчего возродится в них новое чув-

ство народной гордости и расположит умы их с восторгом покориться новому образу жизни.

Впрочем, достижение предполагаемой цели в образовании сих иноплемennых народов главнейшее будет зависеть от просвещенной дальновидности поставленного над ними начальника, который при содействии опытных своих сотрудников штаб и обер-офицеров, приучая их в экзерцициях к быстрому дружному нападению и согласным движениям, дающим победу, без сомнения, будет иметь в трудах своих желаемый успех, особливо если станет руководствоваться во всех случаях благоразумием, справедливостью и твердостью, без чего никакое важное предприятие в исполнение приведено быть не может.

Известна неоспоримая истина, что мудрое правление рождает необыкновенное усилие мужества, душе сообщает все ее величие, а уму дает всю силу и парение к изящному. Если в древности из варварских народов образовывались хорошие воины, почему не надеяться раскрыть способности башкирцов, тептерей, мешеряков и ногайцев на пользу Государства.

Сверх многих выгод, представляющихся для государства от поселения в Оренбургской губернии военных хлебопашцев относительно укомплектования наших армий, можно оное почесть и мерою осторожности и оплотом на будущие времена от набегов азиатских народов, ибо кто может ручаться, чтобы между ими не появился новый Атилла, Тамерлан или Чингисхан и, движимый неограниченным честолюбием, алчностью к добыче и на обогащение, не возымел поползновение с миллионом праздных народов на возобновление варварских набегов с ухищренным воинским искусством нынешнего просвещенного века.

За 10 лет до 1812 г. кто мог предвидеть нашествие на Россию Галлов и с ними двадцати язык. Мы живем в эпохе чудесных происшествий. Сотрясение народных умов во всех краях света влечет за собою неудобоеисчислимые последствия, и потому-то истинно великий муж, учреждая деяния свои в настоящем смутном времени, устремляет мысленно взоры свои в будущность и мудрыми своими распоряжениями приуготовляет отечеству своему вечную славу и спокойствие.

Я не осмеливаюсь, Государь, распространяться в изыскании средств к достижению цели необходимых, ибо ежедневные опыты искусившихся людей под мудрым руководством Вашего Императорского Величества в распорядках военного поселения, без сомнения, достаточно указуют к тому путь, а по мере приведения сего предприятия в действо, будут открываться новые виды к усовершенствованию сего дела.

Стократ вознесу я благодарение небесам и почту себя счастливейшим из верноподданных Вашего Императорского Величества, если сие слабое начертание удостоится милостивого Вашего воззрения.

Всемилоостивейший государь,
Вашего Императорского Величества верноподданный
Михаил Веригин, генерал-майор, уволенный от службы.

Генваря 8 дня 1822 года.

РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 140. Л. 876–881.
Подлинник.

Белова Е. В. Из прошлого Новороссии: сербы на охране российских границ (1750–1760-е гг.) // Нов. историч. вестник. 2008. № 17. С. 39–49.

Гвоздикова И. М. Отчет Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского по управлению краем (1833–1842). Документальная публикация / сост., авт. введения, примеч. и прилож. И. М. Гвоздиков. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010.

Кандаурова Т. Н. Военные поселения в России 1810–1857 гг. (проекты и их реализация) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 1. С. 61–71.

Кандаурова Т. Н., Давыдов Б. Б. Военные поселения в оценке современников // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1992. № 2. С. 44–55.

Кандаурова Т. Н. Военные поселения на Оренбургской пограничной линии: записка служащего Азиатского департамента М. Гусятникова 1823 г. // Марийск. археогр. вестник. Йошкар-Ола, 2014. Вып. 24. С. 99–109.

Кандаурова Т. Н. Социокультурное развитие Южной России в XVIII–XIX вв.: роль Славяносербских, Украинского, Новороссийского и Киевско-Подольского военных поселений // Россия и Украина: историко-психологические аспекты взаимоотношений : материалы LXVI Междунар. науч. конф. (СПб., 16 дек. 2019 г.) / под ред. д-ра ист. наук, проф. С. Н. Полторака. СПб.: Полторака, 2019. С. 13–30.

Киртиченко А. И. Сербские военные поселения на Украине в середине XVIII века. СПб.: Нестор, 2007.

Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1812. Ч. 1. СПб.: Типогр. при Имп. Акад. наук, 1812.

Подов В. Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяносербия, 1753–1764) // Сеоба Срба у Руско царство половином 18. века : зборник радова са меународног научног скупа у Новом Саду, 7–9 маја 2003). Нови Сад, 2005. С. 213–221.

Полное собрание законов Российской империи. ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18477.

Рахимов Р. Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в Николаевскую эпоху // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII: Внешняя политика императора Николая I. М., 2009. С. 165–190.

Рахимов Р. Н. Оренбургская и сибирские пограничные линии в XVIII – первой половине XIX в. как юго-восточный и восточный фронтиры России // Вестн. ТГУ. Гум. науки. 2013. Вып. 10 (126). С. 103–109.